

Ночной кошмар

Яреци Фернандез

В этот особенный для нее день с самого начала что-то пошло не так. Сначала на свадебном платье сломалась молния, потом сломался один зубчик расчески, которой она причесывала свои волосы. Потом машина опоздала.

Она не видела папу. Он должен вести ее по проходу к алтарю, чтобы передать в руки любимого мужчины. Но вместо папы к ней пришел Маркус. Он хищно ухмыльнулся и больно взял ее за руку. Она пискнула и пыталась вырвать руку.

- Он не придет. Твой папочка уже гниет в могиле, а твой Тору вернулся в свою Японию. Ты никому из них не нужна, - каждое слово из уст кузена выплевывалось ядом, разъедающим ткань платья.

- Это неправда! – Она пыталась вырвать руку из его цепкой хватки.

Но он повел ее по проходу. В церкви присутствовало очень много людей, и ей казалось, что они все смотрят на нее с неодобрением. Она видела лица людей, с которыми виделась в монастыре; там были ребята, с которыми она училась в институте. Все они называли ее проституткой. А Маркус хищно улыбался и крепко держал ее за руку. А Тору никак не было...

У алтаря стояла мама. Она вздрогнула и посмотрела на нее.

- Ты не должна выходить за него. Он предаст тебя.

- Но я люблю его! Я жду от него ребенка!

- Мы отдадим ребенка в приличную семью, а ты будешь жить дальше. Он не захочет тебя никуда отпускать. Он будет требовать, чтобы ты забыла все, чем жила. И выполняла его капризы. Он уйдет от тебя, найдя себе занятие по душе.

- Это... это неправда... - из глаз потекли слезы. Мама, зачем ты это делаешь?

- Ты веришь мужикам. Ты веришь, а они тебя обманывают. Все, что твой папочка наговорил - это неправда. Это он меня обманом заставил бросить жениха. Это он все придумал про беременность. И он хотел отнять тебя у меня.

- Я... не верю тебе! Не верю! Не верю! - прошептала девушка, упала на колени и сжала голову руками. Мир поплыл перед глазами в жутком водовороте. Отовсюду слышались выкрики "проститутка" и "гореть тебе в аду".

- Я не верю... - пробормотала девушка и открыла глаза...

Тору Мотидзуки

Последнее время Тору отлично высыпался, поэтому по вечерам не падал каждый раз, как бревно, проваливаясь в мир, лишенный снов, из которого его можно было вытащить разве что пинками, а засыпал уже достаточно поздно и спал чутко, просыпаясь от внешних раздражителей. Вот и этой ночью, не успел он проспать и трех часов, как из объятий Морфея его вытащили раздающиеся рядом стоны, которые, по пробуждению, оказались следствием страданий его собственной жены, которой явно приснился кошмар.

- Яри, - негромко позвал Тору, касаясь ладонью ее щеки, надеясь разбудить, но девушка его не слышала, продолжая метаться во сне и что-то бормотать. И он уже было хотел потрясти ее за плечо, как Яреци произнесла странную фразу и сама открыла глаза, в которых явственно читался страх.

- Маленькая моя, все хорошо. – Тору прижал ее к себе и начал гладить по голове, стараясь успокоить. – Это всего лишь страшный сон. Ты дома, со мной. И я никому не дам тебя в обиду.

Тору не знал, что именно могло так сильно напугать девушку, но очень надеялся, что это какие-то жуткие монстры. По крайней мере, с ними разобраться было намного проще, чем с теми же родственниками, которые и в жизни нередко доставляли проблемы, а уж во сне, как он знал по собственному опыту, вовсе превращались в настоящих чудовищ, старающихся если и не убить, то морально вымотать свою несчастную жертву.

Яреци Фернандез

Мир постепенно принимал очертания чего-то знакомого и родного. Постепенно становились ярче силуэты небольшого комода и окна. Нс улице было темно, вероятно была глубокая ночь.

Она села на кровати и глубоко и часто задышала. Слова матери, что папа ее обманул и все это выдумал про нее, острыми гвоздями впились в ее сознание, разрывая его на части. Она не понимала, где сейчас находится сон, а где реальность. Тору... он не пришел на свадьбу. Он бросил ее и уехал в Японию. Даже если это не так и он никуда не уехал, то она не была уверена, что он разрешит ей чем-то заниматься. Она же взяла его фамилию, она должна жить по законам его страны. А это значит, что она должна бросить свои желания и сидеть дома, занимаясь ребенком, хозяйством.

Но тут Тору прижал её к себе, заставив сильно вздрогнуть и напрячься. Он говорил ласково и тихо, и это давало ей какую-то надежду, что все это был сон. Пожалуйста, пусть это будет сон. Пожалуйста...

- Я не верю... - снова пробормотала она. - не верю, что папа меня обманул. Мне... она сказала, что... это он ее увел от жениха, рассказал ему о том изнасиловании.

Это... это ведь неправда? Мне страшно, я боюсь...

Она вырвалась из его объятий и обняла согнутые в коленях ноги руками. На спине выступили холодные капельки пота. Тело стала сотрясать крупная дрожь.

Тору Мотидзуки

Обычно, когда он прижимал Яреци к себе, девушка постепенно начинала затихать и успокаиваться, но сейчас она словно так и не вернулась из своего кошмара, продолжая бормотать несвязные вещи, смысла которых он до конца так и не мог понять. Оставалось надеяться на то, что скоро она вернется в реальность и, наконец, поверит, что все, что ей пригрезилось, являлось обычным ночным кошмаром.

- Яри, все, что сейчас было – просто дурацкий сон. Не переживай так. Ты дома. А папа тебя никогда не обманывал. Он тебя слишком любит, чтобы это делать.

Тору снова провел рукой по ее волосам, а затем спустился дальше на спину, ощущая жар, идущий от ее тела. Терзаясь нехорошими подозрениями, он провел по ее рукам, потом коснулся лба и убедился, что у девушки действительно поднялась температура, о чем он тут же ей и сообщил.

- Ты что такая горячая? Заболела? Вот говорил я тебе, выходить на улицу только в теплой куртке.

Чувствуя свою вину за тяжелое состояние жены, Тору раздраженно скрипнул зубами. Конечно, она была уже взрослой, но это не отменяло того факта, что ему стоило лучше за ней присматривать, а не бросать одну, пока он сам тратит время на тренировки. О том, что температура может быть вызвана и другими причинами, Тору как-то не задумывался, уже мысленно планируя, в какое время Яреци можно будет отвести в лазарет, и, решая, не стоит ли разбудить кого-нибудь из мастеров, если ее состояние ухудшится.

Яреци Фернандез

Ее тело пробивала крупная дрожь, по вискам стекали капли пота. Она протерла лицо руками и спрятала голову в колени. Сглотнула и зажмурилась.

- Почему? Это... это было так реально... я... у нас должно было быть венчание, а ты... а тебя... тебя не было. Меня к алтарю вел Маркус... Тору, мне сказали, что ты меня бросил. Ты же не бросил меня?

Она говорила тихим и слабым голосом, сильно вздрагивая и останавливаясь между словами. Со стороны это казалось похожим на бред сумасшедшего, она чувствовала, что Тору не понимает и половины из того, что она говорила. Ей было страшно и плохо. Она боялась, что этот кошмар не был кошмаром. Все слилось воедино - и этот сон, и реальность, и рассказ папы о прошлом мамы, и эти ядовитые слова Маркуса, что с папой что-то случилось. И что Тору ее бросит.

Все это давило на ее сознание, к горлу начинал подкатывать комок слез, и она испугалась, что в очередной раз разревется. Тору ее бросит, ребенка отнимут в

приемную семью. Только из-за того, что она ревет. Ведь она не может не реветь...

Она сильно задрожала и зажмурилась. Дрожь стала сильнее, а пот никуда не делся. Пальцы стали царапать ноги...

Тору Мотидзуки

Из отдельных слов, которые ему удалось услышать, у Тору постепенно начало складываться представление, что за кошмар приснился Яреци, и почему она теперь находилась в таком ужасном состоянии, хотя еще относительно недавно спокойная и счастливая засыпала в его объятьях. И это открытие его совершенно не порадовало, как и явная попытка сдержать подступающие слезы, нездоровая дрожь и царапанье собственных ног, которое окончательно вывело Тору из равновесия.

- Ты что творишь? - он отнял ее руки от несчастных конечностей, которые, к его неудовольствию, она уже успела немного расцарапать, сложил их вместе и, поднеся к губам, несколько раз поцеловал дрожащие пальчики.

- Яри, любимая моя, ну успокойся уже. Я с тобой и не собираюсь тебя бросать. Более того, обещаю, что никогда тебя не брошу. Никакого Маркуса мы на наше венчание не пустим. А сам я никуда не денусь. Я же люблю тебя так, что у меня произошло полное "заяривание" головного мозга! Разве я смогу теперь без тебя жить?

На последних словах Тору почувствовал, что уже не может сдерживать эмоции и, чтобы еще сильнее не напугать девушку, снова начал целовать ее пальчики, думая о том, что ее вероятно до сих пор мучает эта история с вынужденным замужеством без нормальной свадьбы, усугубившаяся разводом родителей и откровениями Морриса. И эта проблема стала тем, с чем им следовало разобраться в ближайшее время, чтобы не омрачать свою семейную жизнь глупыми страхами.

Яреци Фернандез

- Прости меня... - прошептала девушка, всхлипывая и полными слез глазами глядя на него, когда он целовал ее дрожащие пальцы. Потом бросила случайный взгляд на свои ноги и увидела небольшие царапинки. Почувствовала жжение.

- Это был сон? Скажи мне, что это был сон. Я боюсь. Мне страшно. Почему... почему все это происходит с нами? - Всхлипнула девушка, глядя на него. Потом выпустила свои руки и обняла его. Носом уткнулась в его ямочку под ключицей и несколько раз всхлипнула, пытаясь справиться с рыданиями. Не получилось.

Начала сильно болеть голова, нервная дрожь никак не хотела уходить, и она всеми силами старалась справиться с рыданиями, душащими ее. Нельзя много плакать. Тору может уйти от нее. Но он ведь сказал, что никогда ее не бросит. Папа дал согласие на их брак. Но почему так больно и страшно?

- Я... пить хочу. И... мне холодно... - жалобно прошептала она, всхлипнув и поднимая на него заплаканные глаза.

Тору Мотидзуки

- Да за что ты извиняешься? Все нормально. И, конечно, это был всего лишь плохой сон. Ну что ты так испугалась? Разве у нас все плохо? Мы же вполне себе счастливы.

Тору обнял Яреци в ответ и постарался хоть как-то унять дрожь, которая постепенно начинала его все больше беспокоить. Если девушка так некстати начала болеть, стоило быстрее привести ее в порядок. Все эти душевные терзания и повышенная температура вредили не только ей самой, но и ребенку, который был совершенно не виноват в том, что его родители никак не могли предоставить ему нормальных условий для развития.

- Конечно, я сейчас принесу тебе воды. - Тору отпустил девушку, встал с кровати и тщательно закутал ее в одеяло, надеясь что это хоть как-то поможет ей согреться. К счастью на кухне имелся приличный запас питьевой воды, и он наполнив стакан и поставив чайник, чтобы потом заварить горячий чай, вернулся в спальню и протянул желанную жидкость Яреци.

- Пей, а я сейчас найду еще что-нибудь теплое. - Пока Яри пила, он сходил в гостиную и забрал лежащий там плед, подаренный им на новоселье. Несколько дней назад Тору уже успел убедиться в его способности согревать даже лучше, чем изначально хотелось, поэтому надеялся на его помощь в своем нелегком деле преведения жены в человеческое состояние.

- Стало лучше? - поинтересовался Тору, закутывая Яреци сверху еще и пледом и превращая ее в толстый кокон с маленьким осунувшимся личиком и торчащими из него руками. И если бы не серьезность ситуации, он, наверное, не удержался и начал бы широко улыбаться, настолько это зрелище показалось ему забавным и трогательным одновременно.

Яреци Фернандез

- Я... я тебя разбудила, - неуверенно сказала девушка без интонации.

Когда он отстранил ее от себя и укутал в одеяло, она стерла слезы краешком пододеяльника и осталась сидеть в том же положении, в котором он ее оставил. Прикрыла глаза и попыталась все-таки унять дрожь в теле. Но дрожь никуда не пропадала, хотя липкого и холодного пота не было. Она тяжело вздохнула, поняв, что своей очередной истерикой сделала хуже не только Тору, но и малышке. И это осознание, что она не справится, её очень сильно пугало. А вдруг из-за ее эмоций, которые зашкаливают, будет что-то с ребенком? А вдруг она не сможет нормально заботиться о малышке и о Тору? И он тогда уйдет. А она... что она тогда будет делать, если Тору уйдет от нее?

От неприятных и необоснованных мыслей ее отвлек голос любимого и появление перед глазами стакана с водой. Она дрожащими руками взяла стакан и стала с жадностью пить воду, как будто она не пила как минимум неделю. Но после воды стало несколько легче. По крайней мере, она смогла отделить сон от реальности.

- Спасибо, дорогой, - тихо прошептала она, заворачиваясь в плед с одеялом и глядя

на мужа. - Мне стало легче. Я... этот сон... он был такой реальный. Я чувствовала, как Маркус делает мне больно. Я... я много говорила? Я тебя напугала?

Тору Мотидзуки

Яреци начала потихоньку успокаиваться и ее речь, наконец, стала связной, что позволило Тору немного расслабиться. Он и подумать не мог, что простой ночной кошмар был способен привести к таким плачевным последствиям, но, похоже, со столь эмоциональным человеком, как Яри, невозможное легко становилось возможным, причем и в хорошем, и в плохом смысле этих слов.

- Большую часть из того, что ты говорила, я не понял. - Тору нежно поцеловал девушку в лоб, чувствуя губами идущий от него жар. - А твоего, ты уж прости, мерзкого братца стоило как следует избить еще при нашей первой встрече. Может быть, он хотя бы немного поумнел, пусть я в этом и сомневаюсь.

Он действительно успел немного испугаться за физическое и психическое здоровье девушки, и если со вторым все постепенно приходило в норму, то вот первое продолжало вызывать опасения.

- У тебя явно температура поднялась. Больше никаких простудных признаков не чувствуешь?

Если Яри действительно заболела, то стоило ее отвести прямо с утра в лазарет, хотя для себя Тору решил, что после такой тяжелой ночи, он сделает это в любом случае, даже если Яреци будет сопротивляться. Если уж она сама не могла справиться со своим разбушевавшимся организмом, то он собирался обратиться в этом за помощью грамотных врачей, которых в монастыре насчитывалось не так уж и мало.

Яреци Фернандес

- Может это и к лучшему, что ты ничего не понял, - посмотрела на него девушка, прислоняя ладонь к его щеке. - Спасибо тебе. Я... мне очень стыдно за то, что напугала тебя.

Когда он поцеловал ее в лоб, она слабо улыбнулась и закрыла глаза. Прислушалась к своему организму и покачала головой. Вроде никаких других признаков простуды не было, и она пожалала плечами. Видя, как Тору переживает за нее, она прикусила губу и крепко сжала его руку, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Она не могла поверить, что поддалась этому кошмару. Почему она всегда поддается призракам, терзающим ее сознание? Вспомнив, как она после знакомства с мамой Тору стояла на подоконнике из-за того, что ей приснился дурацкий чертик из чугуна, она слабо застонала. И вот сейчас она устроила истерику на пустом месте. Перепугала любимого, который так крепко и сладко спал, зарывшись носом в ее волосы.

- Я... мне уже легче. В физическом плане мне легче. А вот в душевном... спасибо, что терпишь меня... я... постараюсь исправиться и стать более сильной.

Она прикрыла глаза и постаралась успокоиться.

Тору Мотидзуки

- Да ладно, видел я вещи и пострашнее, чем чужие ночные кошмары и их последствия. - Тору окончательно успокоился, поняв, что слез, скорее всего больше не будет. И пусть Яреци так до конца и не отошла от своего неприятного сна, он был уверен, что постепенно все наладится, и ему удастся доказать, что ей ничего не угрожает, ни со стороны некоторых родственников, ни, уж конечно, с его собственной.

- Я тебя не терплю, я с тобой живу, а это разные вещи. - Тору не собирался сильно спорить на тему своего отношения ко всему происходящему, предпочтя уйти на кухню и заварить чай, поскольку ему с самого детства внушали, что этот напиток может если и не решить твои проблемы, то, хотя бы настроить на правильный лад. А Яреци сейчас явно не хватало конкретной направленности на что-то полезное и не бередящее старые раны.

- Я, если честно, не понимаю, почему ты упорно пытаешься найти причины, по которым я должен тебя бросить. - Тору протянул жене чашку, внимательно следя за тем, чтобы она не обожглась или вовсе пролила чай на себя. - По-моему, я никогда не делал ничего такого, что могло бы натолкнуть тебя на эту мысль.

Если так разбираться, то это, скорее, ему стоило переживать за постоянство чувств молодой эмоциональной девушки, которая уже как-то пыталась от него отказаться и даже влепила пощечину практически на пустом месте. Но Тору надеялся, что все это осталось в прошлом, поэтому старался видеть во всем происходящем преимущественно положительные моменты, пытаясь поменьше мучить себя мыслями о том, что произойдет, когда Яреци станет старше, а он потихоньку начнет стареть.

Яреци Фернандез

- Прости меня, - пробормотала девушка, когда он ушел на кухню за чаем.

Стало очень жарко, и она скинула с себя плед, оставшись в одном одеяле. Протерла лицо рукой и вздохнула. Вскоре Тору принес чашку чая, и она осторожно пригубила этот напиток. Становилось тепло.

Но вот слова Тору заставили ее вздрогнуть и чудом не пролить чай себе на ноги. Она горько усмехнулась, представив его реакцию, и вздохнула.

- Я... я знаю, что неправа... прости меня, пожалуйста... я боюсь, что однажды проснусь, и все это окажется сном. Я... я до сих пор вспоминаю... когда в Москве ушла от тебя... это было предательством с моей стороны. Я... мне рассказывали, что за такое не прощают. Мне страшно, то ты меня не простил. И никогда не простишь...

Она обнимала чашку двумя руками и смотрела на мужа испуганными глазами. Наверное, она действительно была во всем неправа. Ей было страшно, что она не справится с давлением, и их семья, пока такая маленькая, но крепкая, распадется только из-за того, что у нее нестабильное эмоциональное состояние. Только из-за

того, что она не может держать себя в руках и радоваться тому, что она создает какой-то уют для Тору. Для самого любимого человека.

- Чай закончился, - тихо прошептала она и протянула ему чашку. - Спасибо большое. Я... тебя сильно люблю... прости меня, пожалуйста... я... спасибо.

Она подняла на него полные слез глаза и поджала губы, чтобы снова не разреветься. Её посетила безумная мысль обратиться к врачам, чтобы они вылечили ее эмоциональное состояние. Она даже боялась себе представить, какого цвета у нее сейчас аура.

Тору Мотидзуки

- За ту историю в Москве, я простил тебя уже давно. Хватит вспоминать прошлое. Главное, чтобы в будущем у тебя больше не возникало желания отвешивать мне пощечины и убегать в неизвестном направлении. - Тору постарался, чтобы его голос звучал мягко, а то Яри опять могла сделать какие-то неправильные выводы и, в итоге, заклеить себя за что-нибудь позором.

Девушка достаточно быстро расправилась с принесенным им чаем, вызывая у него мысль о необходимости отправиться за добавкой, но, поскольку, она все продолжала извиняться, ему пришлось задержаться и снова постараться убедить жену в том, что все нормально.

- Яри, я тебя тоже очень люблю, - он забрал протянутую ему чашку и отставил ее в сторону. - И ни за что тебя не оставлю. Это, конечно, не повод проверять меня на прочность, но я просто хочу, чтобы ты почувствовала уверенность в завтрашнем дне, как и во всех последующих. Я очень ценю все, что у нас есть и не буду от этого отказываться даже под страхом смерти. Переставай извиняться и просто люби меня и будь всегда рядом.

Тору сел рядом с Яреци и снова ее обнял. Он понимал, что развод родителей, в чей идеальный брак девушка верила долгие годы, должен был в определенный момент оказать влияние на ее эмоциональное состояние, и то, что Яреци разобрало только сейчас, следовало считать ощутимым прогрессом и признаком ее постепенного взросления, чему он сам был только рад.

Яреци Фернандез

Она молчала и чувствовала, что ее щеки покрываются румянцем смущения. Ей было стыдно за эти разговоры, она хотела забыть все то, что причинила любимому человеку. Если бы можно было забыть... если бы можно было не вспоминать это, стереть из памяти и начать жизнь с чистого листа. Тогда бы не было никаких проблем. Тогда бы она сейчас спокойно спала в своей кровати в объятиях любимого мужчины, ждала бы появления на свет малышки и была бы самым счастливым человеком. Вот только жаль, что этого сделать невозможно.

Тору забрал у нее чашку, и она хотела попросить добавки, но слова застряли в горле. По щекам стекли две слезинки, а губы снова стали тонкой ниточкой. Тору ее обнял, и она снова уткнулась разгоряченным лбом в его грудь. Потом обняла и вздохнула.

- Я люблю тебя. Я поклялась, что буду оберегать тебя с малышкой. Я не могу нарушить клятву. Я... не хочу ее нарушать. У нас все будет хорошо. Я никогда не повторю судьбу своей матери!

Последние слова она сказала громче обычного. Тон был уверенный, но голос слегка дрожал. Она действительно никогда не нарушит клятву. Она просто не может так поступить с любимым человеком. Она не такая, как мама. Она любит Тору, и в очередной раз убеждается, что он тоже ее любит, раз терпит ее эти истерики...

- Спасибо тебе, любимый, - пртшептала она, поднимая голову и глядя в его карие глаза, кажущиеся сейчас черными.

Тору Мотидзуки

Каждый раз, когда Яреци утыкалась в его грудь, молча и, возможно, даже не осознавая этого, прося его защиты и поддержки, Тору чувствовал накатывающую волну нежности и желание уберечь это хрупкое существо от всех возможных бед. Даже если большинство из этих бед было порождением богатой фантазии девушки и ее чрезмерной впечатлительности. И пусть с ней временами было непросто, Тору любил ее именно такой, со всеми ее особенностями, пусть даже некоторые из них не раз вгоняли его в ступор.

- Конечно не повторишь. Ты же не твоя мать и никогда ей не станешь. И чтобы тебе там не говорил во сне или наяву твой мерзкий братец, ты не сделала ничего дурного. Разве стоит себя винить за то, что ты была с любимым мужчиной? Или что от него забеременела? Яри, это нормально, когда люди влюбляются, переходят к физической близости, женятся и заводят детей, и то, что у нас немного нарушилась последовательность событий, и все произошло слишком быстро, никак не отменяет этого факта.

Тору уже давно заметил, что Яреци скинула плед, но пока он не чувствовал, чтобы ее температура хоть немного спала, пусть девушка и уверяла в улучшении самочувствии. И даже если ей стало жарко, он не собирался пускать все на самотек, возвращая плед на законное место и меняя свой успокаивающий тон речи, на достаточно строгий.

- Раз ты мне тут температурить вздумала, будешь сидеть, как бабочка в коконе, а еще пить чай в неограниченных количествах. Завтра утром пойдем в лазарет. Возражения не принимаются.

Высказав свой вердикт Тору отправился на кухню, чтобы снова наполнить опустевшую чашку, и что-то подсказывало ему, что это нехитрое действие ему предстояло выполнить за эту ночь еще много раз. Но, по крайней мере, поить жену чаем, пусть и в столь позднее время, было намного проще и приятнее, чем смотреть на ее слезы и понимать, что ничем током не можешь ей помочь.

Яреци Фернандез

Когда он снова накинул на нее плед, она вздрогнула и отрицательно мотнула головой. Потом, правда, кивнула и обреченно вздохнула. Обреченно, наверное, из-

за того, что ему всегда приходится с ней носиться. Она не хотела, чтобы он так много носился с ней, даже ночью, когда нужно спать, и она ненавидела себя, что не давала ему использовать ночное время для законного сна. Этот кошмар, который ее не до конца отпустил, заставлял дрожать и чувствовать свою ничтожность и беспомощность. За что ей это? Почему это все случилось с родителями, чей брак для нее всегда был образцовым. Она одинаково любила маму и папу, но оказалось, что мама не любила никого. Она изменяла папе до брака, наверняка и в браке она ему изменяла. Папа сильно любил маму и не знал об этом. Почему так получилось? Почему он не могла жить спокойно и счастливо? Наслаждаться любимым человеком?

- Любимый, спасибо тебе. Я... мне тяжело просто смириться с тем, что моя мама оказалась такой. Мне страшно, что она еще когда-нибудь напомнит о себе. А тебя рядом не будет...

Она взяла еще одну чашку чая и стала медленно и осторожно пить горячий и вкусный напиток.

- Мы завтра пойдем в лазарет. Я... боюсь, она может навредить нашей малышке, - вздохнула она.

Тору Мотидзуки

Заново наполнив чашку горячим ароматным чаем, Тору вернулся с спальню, снова сел рядом с Яреци и поднес чашку к ее губам. В последний раз он так хорошо укутал ее пледом, что выбраться из него, чтобы попить чай было непросто, поэтому он решил ей немного помочь. Что бы там ни думала девушка, возня с ней не была ему в тягость, и Тору мог себе позволить потратить немного времени на то, чтобы ее успокоить, особенно, учитывая отсутствие необходимости вставать рано утром и собираться на работу.

- Конечно, я не всегда смогу быть рядом, хоть и буду стараться, чтобы таких моментов оказывалось минимальное количество, поэтому ты должна очень хорошо понимать, что твоя мать может говорить всякие гадости, но, при этом, она ничего не сможет сделать ни тебе, ни нашей малышке. Не забывай, что мы теперь муж и жена, и все решения, касающиеся тебя, если ты сама по какой-то причине не сможешь этого сделать, даже на законодательном уровне принимаю я. Да и твоя мать далеко в Испании, а ты здесь в монастыре под моим боком. Разве, при таком раскладе, она сможет хоть как-то тебе навредить, кроме как помотать нервы?

Тору надеялся, что смысл его слов так или иначе дойдет до Яреци, и она перестанет бояться матери и ее возможных действий. Сам он сильно сомневался, что та зайдет дальше неприятных звонков, на которые можно было просто не отвечать, но убедить в чем-то его пугливую Яри было намного труднее, чем укутывать ее в плед или поить горячим чаем, на чем он и сконцентрировался, считая, что так принесет больше пользы.

Яреци Фернандес

Чай приятно согревал и заставлял думать, что все плохое постепенно уходит. Девушке все еще было страшно, после сна оставался неприятный осадок, но она

верила любимому мужу, что все неприятности позади и что дальше будет намного легче. Она куталась в одеяло и плед, ей было жарко, но она не хотела говорить об этом Тору, чтобы его не расстраивать. Или не пугать.

- Но я... - она вздохнула и опустила голову. - Я же любила ее, я до сих пор люблю ее. Я не могу просто так сказать ей, что она для меня ничего не значит. Мне нужно научиться жить с этим, я боюсь, что у меня что-то не получится. Во сне мама мне сказала, что все, что говорил мне папа, недействительно и нереально. Что это он ее заставил родителям рассказать обо всем. Я... это был просто сон, но боюсь... вдруг папа тоже врал мне? Вдруг он преувеличил масштаб трагедии?

Она скинула одеяло с пледом, так как стало невыносимо жарко, и посмотрела на мужа. Протерла лицо руками и криво улыбнулась.

- Спасибо тебе, любимый. Просто за то, что ты есть. Мне стало немного легче. И я хочу спать...

Тору Мотидзуки

- Яреци, я понимаю что ты любишь свою мать, - Тору снова отставил чашку в сторону, когда она опустела. - И я надеюсь, что скоро она придет в себя и поймет, что была не права. Но пока лучше ограничь с ней свое общение. Подумай о малышке и ее здоровье.

Учитывая, сколько Яри плакала с момента наступления беременности, Тору стало казаться, что их дочь должна была привыкнуть жить в состоянии постоянного маминого стресса, что ему совершенно не нравилось. И если имелась хоть малейшая возможность как-то это исправить, он собирался ухватиться за нее обеими руками.

- Твой папа не похож на человека, который будет врать или преувеличивать, поэтому, думаю, все что он рассказал - чистая правда. - Конечно, Тору не слишком долго знал Морриса, но этого времени вполне хватило, чтобы составить свое впечатление, гласящее, что тесть человек надежный и не склонный к сочинительству, страдающий, преимущественно, из-за собственного постоянства и развитого чувства ответственности.

- Вот это правильно. - Тору убрал скинутый плед и расправил одеяло. Радуйся, что я у тебя есть и с этой светлой мыслью засыпай.

Не собираясь оставлять жену одну, он забрался под одеяло, лег рядом и прижал Яри к себе, считая, что теплом своего тела сможет согреть ее намного лучше, чем любой плед. К счастью, общая усталость быстро взяла свое, и уже скоро они сладко спали, больше не просыпаясь до самого утра и не терзаясь всевозможными кошмарами.
